

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00305.

**НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ
В РУСИНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ О ДЕНЬГАХ
(НА ФОНЕ СЛАВЯНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)**

М.А. Бредис

В статье проводится сопоставительный анализ пословиц о деньгах и богатстве на примере русинского, русского, белорусского, украинского, польского, латгальского, латышского и литовского языков. Делается вывод о том, что в пословичных идеях преобладает интернациональный элемент, а национальная специфика заключается, прежде всего, в образности паремий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пословица, паремия, деньги, богатство, интернациональный элемент, национальная специфика, компаративистика

БРЕДИС Михаил Алексеевич – кандидат филологических наук, главный редактор ООО «Унипак Медиа», член Союза журналистов России.
briedis@yandex.ru

Цитирование: Бредис М.А. Национальное и интернациональное в русинских пословицах о деньгах (на фоне славянских и балтийских языков) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 4. – С. 173–194. Режим доступа: www.tverlingua.ru

**NATIONAL AND INTERNATIONAL ELEMENTS IN PROVERBS ABOUT
MONEY (BASED ON SOME OF SLAVIC AND BALTIC LANGUAGES)**

Mikhail A. Bredis

The article provides a comparative analysis of proverbs about money and wealth based on the examples of Rusin, Russian, Belarussian, Ukrainian, Polish, Latgalian, Latvian and Lithuanian languages. The author makes conclusion that the international element prevails in proverbial ideas, and the national specificity consists, first of all, in the imagery of the paremiias.

KEY WORDS: proverb, paremia, money, wealth, international element, ethnical specificity, comparative studies

BREDIS Mikhail A. – PhD Philology, Editor-in-Chief of Unipak Media LLC, member of the Union of Journalists of Russia. briedis@yandex.ru

Citation: Bredis M.A. National and international elements in proverbs about money (based on some of Slavic and Baltic languages) [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 4. – P. 173–194. Access mode: www.tverlingua.ru

Пословичный фонд любого языка в большой степени отражает многовековой социальный опыт и стереотипные представления народа о мире. На наш взгляд, опыт следует считать основным семантическим элементом паремий. Будучи своеобразной упаковкой опыта (Бредис, 2019: 70), пословицы сквозь призму национальной культурной памяти позволяют извлекать важные знания о национальной культуре, заключённые в них. Причём эти знания представлены в виде ценностных установок по отношению к набору самых различных ситуаций, являясь, по определению Г.Л. Пермякова, своеобразными знаками этих ситуаций (Пермяков, 1988: 21). Употребляя пословицы в речи, человек подбирает нужный ему знак из имеющегося в памяти набора, наиболее подходящий, по его мнению, к той или иной ситуации. Открытым остаётся вопрос, каковым может быть количество ситуаций, становящихся пословичными контекстами. По-видимому, речь идёт о неопределённом множестве. Иногда контекст определяется лишь интонацией или выражением лица человека, которые могут подсказать слушателю, произносится ли данная пословица «как ода или как сатира» (Бредис, 2019 а: 144).

Национальный компонент пословицы создаётся, прежде всего, набором используемых метафор и жизненных реалий. По словам Г.Л. Пермякова, национальная специфика пословиц заключена «в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, и только в них» (Пермяков, 1988: 21).

Существует ряд в некоторых случаях непереводаемых, т.е. не имеющих аналогов в других языках, элементов, которые отражают именно национальную культурную память. Такие национальные лингвомаркёры О.В. Ломакина определяет как «этнолингвомаркёры», относя к ним имена собственные, артефакты материальной структуры и этнонимы (Ломакина, 2010: 217).

В связи с этим важную роль играет сопоставительное изучение пословиц, выявление их семантических параллелей в разных языках. Изучать поговорки только одного конкретного языка вне международного контекста «означало бы описывать только поверхностную сторону этих специфических явлений культуры, не затрагивая их сущности» (Кокаре, 1978: 6).

Сопоставительное изучение пословиц позволяет предполагать, что в пословичном фонде разных языков довольно высоким является удельный вес интернациональных элементов, что объясняется схожестью логики, универсальностью законов человеческого мышления, а также сходными жизненными ситуациями и опытом. Важно, что интернациональный характер носят, прежде всего, пословичные идеи и связанные с ними ценностные установки. Поэтому при сопоставительном изучении пословиц мы используем именно их логическое содержание, поговорочные идеи, которые по своей сути являются интернациональными (Бредис, 2019 а: 144).

Изучая пословичный материал двух и более языков, исследователи подчёркивают уникальность национальных пословиц, но и одновременно представляют семантическую общность при всех различиях, что демонстрирует точки соприкосновения языков и культур (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020: 270).

Цель данной работы – провести сопоставительный анализ пословиц русинского, русского, белорусского, украинского, польского, латгальского, латышского и литовского языков о деньгах и богатстве.

Особый интерес и особую трудность в вычленении национального и интернационального компонента представляют собой поговорки малых языков

в приграничных регионах, для которых характерно взаимопроникновение языков и культур, дву- или многоязычие населения. Среди рассматриваемых нами языков таковыми являются русинский и латгальский языки. Современные русины живут на Украине, в Польше, Словакии, Румынии, Сербии. Это самый западный из восточнославянских этносов, разделённый границами нескольких государств, говорящий на нескольких диалектах, испытавших сильное влияние соседей. Русинский язык на протяжении истории испытывал влияния различных языков в силу широкого географического «разброса» на европейском пространстве, что позволяет говорить о примере культурно-языкового трансфера, когда соприкосновение культур равно проявляется как в воздействующей, так и в принимающей культуре (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020: 201). Русинский язык имеет три литературные нормы. В данной работе мы используем материал русинских паремий, представленных «Русинско-украинско-русским и русско-русинско-украинским фразеологическим словарём» Д. Попа (2011).

Латгальский язык – язык латгальцев, проживающих на территории современной Латвии, где проходит граница Латвии с Россией, Белоруссией и Литвой. В этих краях жизнь всегда отличалась многоязычием. Латгальский язык сложился на базе верхнелатышского диалекта и принадлежит к балтийской группе индоевропейской семьи языков. Употребляется в основном в Латгалии и на северо-востоке Видземе (культурно-исторические регионы Латвии). В повседневной жизни на латгальском языке говорит примерно 8% жителей Латвии. Латгальский язык имеет литературную норму: первые книги на латгальском языке появились в XVIII в. До наших дней сохранились евангелия в переводе на латгальский язык, изданные в 1753 г. (Šuplinska, 2012: 370). Основным источником латгальских паремий для нас является словарь латгальских поговорок и пословиц Б. Опинцане (Opincāne, V. Latgaļu parunas un sokomvōrdi, 2000).

Особенностью языков малых народов является недостаточная изученность их паремиологического фонда и небольшое количество пословичных словарей.

В данной работе мы отталкиваемся от паремий русинского языка, сравнивая их с пословицами славянских и балтийских языков. В балтийской группе по возможности приводим паремии всех трёх живых литературных языков: латгальского, латышского и литовского, сопоставительный анализ которых представляет интерес. Как известно, языки балтийской группы наиболее близки славянским. Анализ проводится путём подбора и сопоставления эквивалентов на основе пословичных идей. Такой подбор паремиологических эквивалентов способствует выявлению систем национального мировидения (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020: 272). В работе используется паремиологический материал из пословичных сборников, словарей и специализированных электронных ресурсов соответствующих языков.

В течение долгого времени деньги являются главным символом богатства и находятся в числе главных материальных ценностей. Вполне понятно, что большое количество паремий в разных языках посвящено деньгам и богатству и отношению к ним человека.

В паремиях всех рассматриваемых языков имеется семантика, подчёркивающая исключительное могущество денег: *Деньги владеют миром*. Так, русинская пословица прямо утверждает *Грѣши світом владівуть* (*Деньги миром владеют*). Эта proverbialная идея интернациональна: во множестве языков мы находим пословицу с данной семантикой. Русские пословицы имеют частичные эквиваленты этой паремии и напоминают о том, что деньги имеют власть абсолютно над всеми людьми: *Деньгам всё повинуется, И барину деньга (деньги) господин* (БСРП, 2010: 263, 34). Польские и латгальский аналоги отмечают: (польск.) *Pieniądze wszystko mogą* (*Деньги всё могут*) (Stypuła, 2003: 742), *Za pieniądze wszystko będzie* (*За деньги всё будет*); *Za pieniądze masz, co serce żądze* (*За деньги имеешь всё*,

что сердце желает) (Adalberg, 1894: 391); (латгальск.) *Par naudu var vysi nūpērkt* (За деньги всё можно купить) (Kokare, 1980: 138). Полностью совпадают с русинской и по семантике *Деньги владеют миром*, и по образности белорусская, польская, латышская и литовская пословицы, прямо утверждая – *Деньги правят (владеют) миром*: (белорусск.) *Грошы кіруюць светам*; (польск.) *Pieniądz rządzi światem* (Stypuła, 2003: 743); (латышск.) *Nauda valda pār pasauli* (Milzere, 1998: 326); (лит.) *Pinigai valdo pasaulį* (Patarles.lt).

В некоторых языках частичные аналоги русинской пословицы используют образ золота, выступающего как pars pro toto богатства и денег, подчёркивая власть денег над миром: (рус.) *Золото поит, кормит, обувает, голодом, нагишом и босиком водит, Золото не говорит, а много (чудеса) творит* (БСРП, 2010: 380). Здесь используется приём олицетворения золота, которое наделяется человеческими качествами и способностями. Польские, латгальские и латышские паремии прибегают к образу универсального ключа, способного всё открыть: польск. *Złoty klucz wszystkie bramy otwiera* (Золотой ключ все ворота открывает) (Stypuła, 2003: 867); латгальск. *Zalts – pasauiļa atslāga* (Золото – ключ мира) (Opincāne, 2000: 84); латышск. *Zelts ir pasaules atslēga* (Золото – ключ мира); *Ar zelta atslēgu visas durvis var atslēgt* (Золотым ключом все двери можно открыть) (Milzere, 1998: 83). Ряд литовских пословиц подчёркивает могущество золота, способного всё в мире купить: *Už auksą ir karalių nupirksi* (За золото и короля купишь), *Aukso ratais ir prie karaliaus privažiuosi ir į dangų nuvažiuosi* (На золотых колёсах и к королю подъедешь, и до небес доедешь) (Patarles.dainutekstai.lt). Одна из польских пословиц, отражая идею могущества золота, использует образ орла – могучей и величественной птицы: *Złoty orzeł wszędzie doleci* (Золотой орёл всюду долетит) (Stypuła, 2003: 867).

Идею о том, что деньги владеют миром, выражают пословицы, использующие образы высших сил, самого Бога и говорящие о поклонении людей деньгам: русск. *После Бога – деньги первые* (БСРП, 2010: 72); лит.

Auksą ir Dievas mėgsta (Золото и Бог любит) (Patarles.dainutekstai.lt), *Centas ne šventas o kiekvienas jam meldžiasi (Цент не святой, а всяк ему молится)* (Sasnauskas, 2006: 41).

Интересен образ русинской пословицы с семантикой *Деньги могут всё: Грѣши на виштых языках говорят (Деньги на всех языках говорят)*. В других рассматриваемых языках эквивалентов с данным образом нами не обнаружено.

Тему власти денег продолжает русинская пословица: *У кого грѣши, тот и пан (У кого деньги, тот и господин)*. Эту семантику в разной степени отражают эквивалентные пословицы рассматриваемых языков: (рус.) *Везде с алтыном господин* (БСРП, 2010: 18); (укр.) *В кого гроші, за того й бог* (Чусь, 2013: 143); (белорус.) *Хто мае грошы, той і харошы* (Лепешаў, 2011: 555); (польск.) *Kto ma pieniądze, ten jest pan; a kto ich niema, ten jest kapcan (У кого есть деньги, тот пан; а у кого их нет, тот бедняк)* (Adalberg, 1894: 389); (латгальск.) *Kat ir, tam nōk (У кого есть, тому приходит)* (Opincāne, 2000: 35); (латышск.) *Kat nauda, tam vara (У кого деньги, у того власть)* (Milzere, 1998: 326); *Kat nauda, tam jauda (У кого деньги, у того и сила)* (Garamantas.lv).

Семантику *У кого деньги – тот господин* также передаёт русинская пословица *За пінязі мелтѡвшагош, а без гроши – русин (За деньги уважаемый господин, а без денег – русин)*. Она особенно интересна с точки зрения лингвокультурологии и национального компонента, так как имеет в своём составе этнолингвомаркёр – этноним *русин*. Кроме того, в ней присутствует заимствование из венгерского *мелтѡвшагош*, а также слово *пінязі*, которое восходит к древнерусскому и старославянскому корню, обозначавшему первоначально название древнегерманской монеты *pfenning* по названию франкского серебряного динария, впервые отчеканенного в 650 г. В современном русинском языке слово *пінязі* используется для обозначения денег вообще (ср. *готовый пінязь – наличные деньги*) наряду со словом *гроші*. Заимствование *мелтѡвшагош* (венг. *méltóságos*) означает

досточтимый, ваша милость, ваше благородие (от *méltóság* – достоинство). Национальный компонент этой пословицы сообщает нам о том, что русины жили рядом с венграми и в целом были беднее, чем окружающие их соседи, что ясно указывает на социальное и материальное положение русин. Поэтому вежливое обращение к состоятельному и благородному человеку в пословице венгерское (Бредис, Ломакина, 2020).

Сходная по структуре и семантике пословица обнаружена нами только в сборнике русских пословиц: *Деньги есть – Иван Петрович, денег нет – паришва сволочь* (БСРП, 2010: 264). Здесь тоже имеется этнолингвомаркёр, указывающий на русское происхождение пословицы – имя с отчеством *Иван Петрович*.

Ещё одна русинская пословица также описывает могущество денег, однако с ограничениями, выражая семантику **Не всё покупается**. Прежде всего, речь идёт о невозможности купить здоровье: *За грѣши вишитко купиши, лем не здѣрѣвля и чисть* (За деньги всё купишь, только не здоровье и честь); (рус.) *Здоровье и на золото не купишь* (Ломакина, Мокиенко, 2018: 313), *Чего Бог не дал, того за деньги не купишь; Чего не дано, в аптеке не купишь, Деньги потерял – ничего не потерял; здоровье потерял – всё потерял* (БСРП, 2010: 69, 21, 265); (укр.) *Здоров'я за гроші не купиши* (Здоровья за деньги не купишь); *Здоров'я важливіше від грошей* (Здоровье важнее денег) (Чусь, 2013: 95); (польск.) *Zdrowie to największy majątek* (Здоровье – это самое большое богатство), *Lepsze jest zdrowie niż pieniądze* (Лучше здоровье, чем деньги) (Adalberg, 1894: 631); (латышск.) *Par naudu visu var nopirkt, izņemot prātu un veselību* (За деньги всё можно купить, кроме ума и здоровья) (Kokare, 1980 : 122); (латгальск.) *Veseleiba dōrgōka par zaltu* (Здоровье дороже золота) (Opincāne, 2000: 81); (литовск.) *Už pinigų sveikatos nepirksi* (За деньги здоровья не купишь) (Patarles.lt).

В рассматриваемых паремиях данной семантики среди образов-исключений можно увидеть честь, счастье, любовь, ум, отца и мать и пр., например: (рус.) *Счастья алтыном не купишь* (БСРП, 2010: 893); (белорус.)

За грошы шчасця не купіш (Лепешаў, 2011: 203); (польск.) *Pieniądze szczęścia nie dają* (Деньги счастья не дают) (Stypuła, 2003: 742). В наиболее общем виде эта семантика отражена в литовской поговорке: *Ne viską už pinigą nupirksi* (Не всё за деньги купишь) (Patarles.dainutekstai.lt).

Пословицы могут иметь и противоположные значения. Так, обнаруженная нами литовская поговорка не исключает здоровья из сферы могущества денег *Už pinigų ir sveikatą nusipirksi* (За деньги и здоровье купишь) (Kokare, 1980: 121). В других рассматриваемых языках подобных поговорок нами не обнаружено.

Теоретически можно говорить о родстве поговорок как знаков ситуаций практически во всех языках мира. Нам представляется важной мысль В. Хлебды о том, что любая поговорка любого языка имеет свой эквивалент (разумеется, не обязательно полный) в любом другом языке. Отсутствие эквивалента может означать, что он или не найден, или не зафиксирован в источниках. Общая картина эквивалентов напоминает химическую таблицу элементов Д. И. Менделеева, в которой «пустые ячейки заполняются при нахождении новых эквивалентов» (Бредис, 2019 б: 36).

Во всех рассматриваемых языках поговорки имеют семантику *Деньги надо считать*. В русинском и русском языках поговорка о необходимости считать деньги расширена и имеет вторую часть: (русинск.) *Грѣши дѣбри личині, а жона бита* (Деньги хороши считаны, а жена – бита); (рус.) *Деньги любят счёт (щот), а хлеб меру, Бог любит веру (правду), а деньги счёт* (БСРП, 2010: 264, 59). Русинская поговорка единственная в таком контексте, о том, что жену правильно бить, что отражает нравы народа в старые времена. Пословицы остальных рассматриваемых языков говорят только о том, что деньги любят счёт: (белорус.) *Грошы любяць лік* (Грошы лік любяць) (Котова, 2000: 50); (укр.) *Копійка любить, щоб її рахували* (Копейка любит, чтобы её считали) (Чусь, 2013: 129); (польск.) *Pieniądze dokładność lubią* (Деньги точность любят); *Zaufanie zaufaniem, ale pieniądze lepiej (zawsze) przeliczyć* (Доверие доверием, но деньги лучше (всегда) пересчитывать)

(Styruła, 1974: 335); (латышск.) *Nauda mīl būt skaitāma* (букв. Деньги любят быть считаемы) (Garamanras.lv), *Nauda gribas skaitāma* (букв. Деньги хотят счёта) (Birkerti, 1997: 98). В украинской поговорке метафорическое название денежной единицы *копійка* выступает в значении *деньги* вообще. В литовских словарях нам не удалось обнаружить подобной поговорки, но в литовском сегменте интернета встречается идентичное с латышской поговоркой *Nauda mīl būt skaitāma* выражение *Pinigai mėgsta būti skaičiuojami* (букв. Деньги любят быть считаемы) в качестве заголовков статей в текстах СМИ о финансах и бюджетах, например <http://tzinios.lt/pinigai-mgsta-bti-skaičiuojami/>, что говорит о его употреблении в роли поговорки.

Семантика **Деньги преходящи** представлена в поговорках рассматриваемых языков разными образами: (русинск.) *Грѣши май идуць из рук, ги у руки* (Деньги скорее идут из рук, чем в руки); (рус.) *Деньги приходят и уходят как вода; Деньги что вода: пришли и ушли, только и видели* (БСРП, 2010: 265); (белорус.) *Грошы – вада* (Лепешаў, 2011: 144); (польск.) *Pieniądze przychodzą powoli, a odchodzą jak piorun* (Деньги приходят помалу, а уходят, как молния) (Adalberg, 1894: 390), *Pieniądze płyną jak woda* (Деньги текут как вода) (Styruła, 2003: 742); (лит.) *Pinigas sunkiai ateina, lengvai išeina* (Деньги трудно приходят, легко уходят) (Patarles.dainutekstai.lt), *Pinigas teka kaip vanduo* (Деньги текут, как вода) (Patarles.lt). Самый распространённый образ преходящего характера денег – утекающая вода. Встречаются и другие образы. В русских поговорках *Деньги – голуби: прилетят и опять улетят, Денежки что воробушки: прилетят и опять улетят* (БСРП, 2010: 264, 255), в литовской *Pinigas – vėjo brolis* (Деньги – брат ветра) (Patarles.dainutekstai.lt). Помимо этого, литовские и русские поговорки сравнивают деньги с мимолётным гостем, который погостит и уходит: (рус.) *Деньги – гость: сегодня нет, а завтра горсть* (БСРП, 2010: 264); (лит.) *Pinigas kaip svečias – čia buvo, čia nebėr* (Деньги как гость, вот были нет) (Patarles.dainutekstai.lt).

Известно, что деньги имеют ценность для всех, независимо от того, кто и как их получил. Семантику *Деньги обезличены* отражает русинская пословица *Грѣши лица не мавають (Деньги лица не имеют)*. Она является полным эквивалентом старой польской пословицы *Pieniądze lica nie mają* (*Деньги лица не имеют*) (Adalberg, 1894: 390), что, вероятно, неслучайно, поскольку русины проживают на границах и на территории Польши. Здесь речь может идти о контактных параллелях. К этим паремиям примыкают по семантике русские и украинские пословицы: (рус.) *У денег глаз нет, У денег[-то] глаз нет: за что отдают – не видят, На деньгах нет знаку (или: тамги, ногавки, т. е. не узнаешь, как или кем они нажиты)* (БСРП, 2010: 262, 263); укр. *На грошах нема знаку, ким вони нажиті (На деньгах нет знака, кем они нажиты)* (Чусь, 2013: 141). Семантические аналоги этой пословицы имеются в большинстве рассматриваемых языков в виде максимы *Деньги не пахнут*. Крылатая фраза, приписываемая римскому императору Веспасиану *Non olet pecunia* стала пословицей, поскольку авторство этой фразы известно уже не всем: (рус.) *Деньги не пахнут* (БСРП, 2010: 262); укр. *Гроші не пахнуть* (Чусь, 2013: 141); (белорус.) *Грошы не пахнуць* (Лепешаў 2011: 144); (польск.) *Pieniądz nie śmierdzi* (Stypuła, 2003: 741); (латышск.) *Nauda nesmird* (Milzere, 1998: 328); (лит.) *Pinigai nesmirda*. О популярности этой пословицы в Литве, например, можно судить по наличию демотиваторов с ней: *Pinigai nesmirda. Smirda tik tie, kuri jų neturi (Деньги не пахнут. Пахнут только те, кто их не имеет)* (<https://demotyvacijos.tv3.lt/pinigai-nesmirda-1474197.html>). Причём глагол *пахнуть* в польской, латышской и литовской паремии имеет точное значение *плохо пахнуть, вонять* (польск. *śmierdzi*, латышск. *smird*, литовск. *smirda*, ср. рус. *смердит*).

Названия денежных единиц в пословицах дают дополнительные культурные сведения, подобно тому, как монеты способны многое рассказать об истории и культуре народа и государства (Бредис, 2019: 116). Так, дукаты из русинской пословицы – это золотые монеты, которые впервые стала чеканить Венеция в 1284 г. Первый дукат в Польше отчеканили в 1320 г.

Примерно в 1325—1326 гг. дукаты начали чеканить в Венгрии и Чехии, затем в немецких землях. Со временем название *дукат* превратилась в синоним золотой монеты вообще. В русских землях дукаты стали называть венгерскими деньгами, и так называли любую золотую монету с весом дуката. Русской монетой типа дуката был *червонец* (Зварич, 1979: 71). В русских пословицах встречается название *алтын*, которые происходят из тюркского *алты* – *шесть*. Алтын появился в обращении на Руси наряду с *денгой* в последние десятилетия XIV в. и по стоимости равнялся шести денгам. Вероятно, алтын мог служить промежуточной счётной единицей между русской десятичной денежной системы и монголо-татарской двенадцатиричной. С 1534 г. алтын равнялся трём копейкам (Зварич, 1979: 9).

Существует группа пословиц, которые через названия мелких денежных единиц негативно характеризуют человека, беспринципного и настолько алчного, продажного, падкого на деньги, что он за самую мелкую монету готов сделать самую неприятную работу или совершить неблагоприятный поступок. Русинская пословица такому человеку предлагает тянуть из болота козу: *Утяг бы за трайцарь и козу из калу (болота) (Вытянул бы за крейцер и козу из грязи (болота))*. Русские пословицы говорят о негодном продажном человеке: *Працатый родного брата за копейку продаст, С виду хорош, а продаёт (продаст) за грош* (БСРП, 2010: 92). Литовские пословицы с этой семантикой отличаются разнообразием наименований денежных единиц, что объясняется историческими судьбами литовского народа и нахождением его в разных государствах в разные периоды: *Už centą utėlę į Kauną varytų (За цент вошь в Каунас погнал бы)*, *Už centą utėlę į Telšius varytų (За цент вошь в Тильзит погнал бы)*, *Už grašį utėlę pėsčiom į vilnių varytų (За грош вошь пешком в Вильнюс гнать)*, *Už kapeiką utėlę Rygon varytų (За копейку вошь в Ригу погнал бы)* [Patarles.dainutekstai.lt]. К ним примыкает латышская пословица: *Tas jau par santīmi dzen uti uz Rīgu (Он за сантим гонит вошь до Риги)* (Milzere, 1998: 65). В этих паремиях

используются названия денежных единиц: крейцер, грош, копейка, цент, сантим. Они представляют собой этнолингвомаркёры, дающие возможность определить, к какой исторической эпохе в жизни определённого народа относится та или иная поговорка, примерное время её возникновения. Так, крейцер в русинских поговорках напоминает о нахождении в составе Австро-Венгерской империи. Выпуск крейцеров, первоначально серебряных, затем билонных, а позже медных монет, был начат в 1271 г. Название монет происходит от нем. Kreuz (крест). Крейцеры чеканились в Германии до 1873 г., а в Австрии – до 1891 г. В рассматриваемых русских и литовских поговорках встречается название *groš* (*grašis*) и *копейка* (*kapeika*). Грош в России обесценился после денежной реформы 1839-1843 гг., и им стали называть денгу (полкопейки) в связи с выпуском двуязычных русско-польских монет (польский грош приравнивался к 1/2 копейки). Копейка – государственная русская монета, составлявшая одну сотую часть рубля, введённая в обращение в 1534 г. На ней изображался всадник с копьём, отсюда и название «копейная денга», или «копейка» (Бредис, 2019 б: 117). Использование названий денежных единиц *groš*, *копейка* в литовских и латышских поговорках позволяет относить их возникновение к периоду нахождения этих народов в составе Российской империи. Литовский цент – одна сотая часть лита, денежной единицы Литвы в периоды 1922-1941 гг. и 1993-2015 гг. Латвийский сантим составлял одну сотую лата, который был денежной единицей Латвии в периоды 1922-1940 гг. и 1993-2014 гг. До Второй мировой войны лат по стоимости равнялся золотому франку, а сантим первоначально по стоимости равнялся французскому сантим (Бредис, 2019 б: 119).

Частичными эквивалентами названных поговорок можно считать поговорки с семантикой *За деньги душу продают*, выражающие негативное отношение к человеку, который готов за деньги продать свою душу: (русинск.) *За трайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* (*За крейцер душу не купишь, только чёту её продаш*), *За трайцарь бы и душу чортови продов*

(*За крейцер бы и душу чорту продал*); (рус.) *Не продашь душу в ад – не будешь богат* (БСРП, 2010: 321); (латгальск.) *Naudas dēļ dvēseli pōrdūd* (*За деньги душу продают*) (Opincāne 2000: 57). В русинской паремии *крейцер* используется метонимически вместо любой небольшой суммы денег. В отличие от русинской, русская и латгальская пословицы не используют названий конкретных денежных единиц.

Интернациональной по семантике и образности можно считать русинскую пословицу *Богачови и чорт діти колыше* (*Богачу и чѐрт детей качивает*). Она имеет полные эквиваленты во всех рассматриваемых языках: (рус.) *Богатому и чѐрт ребѐнка качает; Богатому человеку чѐрт детей колышет, а бедный и няньки не сыщѐт* (кубанск.) (БСРП, 2010: 988; 986); (белорус.) *Багатаму чорт дзяцей калыша; Багатаму і чорт у кашу дбае* (Лепешаў, 2011: 79); (укр.) *Багатому й чорт дітей колише; Багачові і дідько дитину колише; Багатому й чорт гроші носить* (*Богатому и чѐрт деньги носит*), *Багатому й чорти горох молотять* (*Богатому и черти горох молотят*) (Чусь, 2013: 143); (польск.) *Bogatemu diabeł dzieci kołysze ... a biednemu, to i niania nie chce* (*Богатому чѐрт детей качает... а бедному и нянька не хочет*) (Adalberg, 1894: 27); (латгальск.) *Vogōtam i čorts bārnus auklej* (*Богатому и чѐрт детей качивает*) (Opincāne, 2000: 10), *Vogōtajam valns bārnū šuiproj, bednājam i dīvs našuiproj* (*Богатому и чѐрт детей качает, бедному и бог не качает*) (Кокаре, 1967: 98); (латышск.) *Vagātam i vēlns bērni šīro* (*Богатому и чѐрт детей качивает*) (Кокаре, 1967: 98); (лит.) *Vagotam velnias vaikus supra* (*Богатому чѐрт детей качает*), *Vagotam ir velnias košėn taikų pridėda* (*Богатому чѐрт в кашу сало добавляет*) (Кокаре, 1980: 124).

Деньги и богатство являются амбивалентными ценностями. Соответственно, паремии о них имеют противоположные ценностные установки. В данном случае богатство рассматривается как антиценность. В русском языке аналог этой пословицы зафиксирован в словаре В.И. Даля. Позднее М.А. Рыбникова включила в свой сборник двухчастную пословицу *У богатого сам черт детей качает, а у бедного и Бог люльки бросает*, что

дало исследователям основание полагать: более распространенным является имплицитированный вариант пословицы, это пример диахронического эллипсиса (Ломакина, Мокиенко, 2018: 312-313). Мы видим, что в русском, польском и латгальском языках зафиксированы расширенные варианты пословицы. Польский и русский аналоги во второй части пословицы используют образ няньки, а латгальский вариант отмечает, что сам бог не качает детей у бедняка, т.е. прослеживается мысль о том, что богатому чёрт помогает, а бедняку помощи ждать неоткуда. Белорусский и литовский аналоги используют также образ приготовления каши, украинские аналоги демонстрируют образы денег, молотьбы гороха.

Интернациональный характер носит и другая русинская пословица с семантикой *У богатых заботы (слёзы) – И из-за золота слёзы ся лють* (*И из-за золота слёзы льются*). Её частичный эквивалент в русинском языке: *Най ся журають богаті, де подіти дукаты* (*Пусть печалются богатые, куда деть дукаты*). Сходная семантика прослеживается в ряде других языков: (рус.) *И через золото слезы льются, Много денег – много и хлопот (забот)* (БСРП, 2010: 381, 262); (латышск.) *Kam daudz naudas, tam daudz raizes* (*У кого много денег, у того много забот*) (Kokare, 1988: 139), *Kam liela manta, tam liela bēda* (*У кого большое богатство, у того большая беда*) (Milzere, 1998: 298); (латгальск.) *Kam daudz monta, tam daudz bādu* (*У кого много добра, у того много бед*) (Opincāne, 2000: 35). В других рассматриваемых языках эквивалентных пословиц с этой семантикой нам не удалось обнаружить.

Эквивалентов русинской пословицы *Грѣші не камінь, на душу не лігавуть* (*Деньги не камень, на душу не ложатся*) в рассматриваемом материале нам обнаружить также не удалось. Только в русском языке зафиксирована пословица с теми же образами, но противоположная по смыслу: *Деньги что камень (каменя) – [тяжело] на душу ложатся* (БСРП, 2010: 265).

Выводы

Анализ паремий, характеризующих деньги и богатство в русинском, русском, белорусском, украинском, польском, латгальском, латышском и литовском языках, предсказуемо продемонстрировал значительный удельный вес интернациональных элементов. Объясняется это не столько родством славянских и балтийских языков, сколько универсальностью ценности богатства, её амбивалентностью, общечеловеческой логикой, сходством стереотипов мышления относительно роли и характеристик денег и богатства в обществе. Интернациональный характер рассматриваемых пословиц связан с наличием общего для всех европейских народов феномена – денег, которые являются особым товаром и важной материальной ценностью и одновременно антиценностью. Денежные отношения также характеризуются универсальностью. Сопоставительный анализ подтверждает мысль о том, что провербиальные идеи в основном интернациональны.

В пословицах рассматриваемых языков о деньгах и богатстве встречаются названия конкретных денежных единиц, упоминание которых даёт дополнительные сведения относительно истории и культуры народа, что добавляет исследователю лингвокультурологическую компетенцию (Бредис, 2019 б: 184). В ряде случаев названия денежных единиц могут быть этнолингвомаркёрами (например, название *алтын* встречается в основном в русских пословицах), но это не всегда так. Например, название *копейка* фиксируется не только в русских, но и в украинских, белорусских, а также в латышских, латгальских и литовских пословицах по историческим причинам: все эти народы долгое время входили в состав Российской Империи, а позднее в СССР, где в ходу были именно эти денежные единицы (Бредис, 2019 б: 184). Таким образом, названия денежных единиц маркируют, скорее, временной период и государственную принадлежность.

Проведённый анализ также показывает, что национальные элементы заключаются в используемых пословичных образах, связанных с культурой, реалиями жизни народа. Важным этнолингвомаркёром, выявляющим

национальный компонент пословицы, является этноним, название народа. При этом довольно сложно выделить национальную специфику паремий народов, проживающих в условиях многоязычия, когда неизбежны множественные контактные параллели и интенсивная миграция пословиц.

Ссылки – References in Russian

Бредис, 2019 – *Бредис М. А.* Аксиологическая составляющая пословиц о богатстве (на материале русского, латышского, латгальского, литовского, польского, немецкого и английского языков) // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 115-117.

Бредис, 2019 а – *Бредис М.А.* Национальное и интернациональное в паремиях: пословица Работа не волк, в лес не убежит и ее аналоги в разных языках // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Фиологические науки. Научный журнал. – 2019, Том 5 (71, № 1. – С. 143–160.

Бредис, 2019 б – *Бредис М.А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.

Бредис, Ломакина, 2020 – *Бредис М.А., Ломакина О.В.* Приграничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале фразеологии и паремиологии) // Вопросы этнополитики. Научный журнал. – 2020, № 2. – С. 28-38.

Бредис, Димогло, Ломакина, 2020 – *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. – 2020. Т. 11, № 2. – С. 265-284.

Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020 – *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового

трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. – 2020, № 60. – С. 198–212.

БСРП, 2010 – Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Зварич, 1979 – Зварич, В.В. Нумизматический словарь. – Львов, 1979. – 338 с.

Кокаре, 1978 – *Кокаре Э.Я.* Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. – Рига: Зинатне, 1978. – 294 с.

Ломакина, 2010 – *Ломакина О.В.* Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010, № 6. – С. 217–221.

Ломакина, Мокиенко, 2016 – *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. – 2016, № 3 (45). – С. 119–129.

Ломакина, Мокиенко, 2018 – *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018, № 4 (54). – С. 303–317.

Пермяков, 1988 – Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии // Исследования по фольклору и мифологии Востока. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

Поп, 2011 – Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. – Ужгород, 2011. – 241 с.

Чусь, 2013 – Чусь, Г.Н. Пословица не даром молвится; Нема приповідки без правди; A good maxim is never out of season; Proverbe ne peut mentir: более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013 – 256 с.

Котова 2000 – *Котова, М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями /Под ред. П.А. Дмитриева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 360 с.

References

Bredis, M.A. (2019). The axiological component of proverbs about wealth (based on the material of Russian, Latvian, Latgalian, Lithuanian, Polish, German and English) // *Axiological aspects of modern philological research: abstracts of the International Scientific Conference (UrFU, October 15-17, 2019)*. Ekaterinburg: "Azhur" Publishing House, pp. 115-117. (in Russian).

Bredis, M.A. (2019 a). National and International Elements in Proverbs: The Proverb Работа не волк, в лес не убежит and its Analogues in Different Languages // *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Physiological sciences. Scientific Journal*. Vol. 5 (71), No. 1, pp. 143–160 (in Russian).

Bredis, M.A. (2019 b) *Man and Money: Essays on Russian and Other Proverbs*. St. Petersburg.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 296 p. (in Russian).

Bredis, M.A., Lomakina, O.V. (2020) Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (based on phraseology and paremiology) // *Ethnopolitical issues. Scientific Journal*, No.2, pp. 28-38 (in Russian).

Bredis, M.A., Dimoglo, M.S., Lomakina, O.V. (2020) Paremias in modern linguistics: approaches to the study, text-forming and linguoculturological potential // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, Vol. 11, No 2, pp. 265-284 (in Russian).

Bredis, M.A., Lomakina, O.V., Mokienko, V.M. Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in Slavic Languages (Based on Numerative Units) // *Rusin*, No. 60, pp. 198–212 (in Russian).

The Big Dictionary of Russian Proverbs (2010) / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva. Moscow, "OLMA Media Grupp", 1024 p. (in Russian).

Zvarich, V.V. (1979) *Numismatic Dictionary*, Lvov, 338 p. (in Russian)

Kokare E.J. (1978) *International and National Elements in Latvian Proverbs and Sayings*. Riga, Zinatne Publ., 294 p. (in Russian)

Lomakina, O.V. (2018) *Phraseology in the text: functioning and idiostyle*. Monograph, Moskow, RUDN Publ. 344 p. (in Russian).

Lomakina, O.V., Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin paremias against the background of Russian and Ukrainian languages // *Rusin*, No 3 (45), pp. 119–129 (in Russian).

Lomakina, O.V., Mokienko, V.M. (2018) Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages) // *Rusin*. No. 4 (54). P. 303–317 (in Russian).

Permiakov, G.L. (1988) *Fundamentals of structural paremiology. Studies in folklore and mythology of the East*. Moscow: Nauka Publ., 236 p. (in Russian)

Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkii i russko-rusinsko-ukrainskii frazeologicheskie slovari*, Uzhgorod, 241 p.

Chus, G.N. (2013) *Poslovitsa ne darom molvitsia; Nema pripovidki bez pravdi; A good maxim is never out of season; Proverbe ne peut mentir: more 5000 Russian, Ukrainian, English and French Proverbs*, Moscow, “LIBROKOM”, 256 p.

Kotova, M.Y. (2000) *Russian-Slavic dictionary of proverbs with English Equivalents*. St. Petersburg.: St. Petersburg University, 360 p. (in Russian)

Lepeshev, I.E. (2011) *Explanatory dictionary of proverbs* / I.E. Lepeshev, M.A. Yakaltsevich. Grodna, GrDU, 695 p.

Adalberg, Samuel. (1894) *Księga przysłów porzypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich*. Zebrał i oprac. Samuel Adalberg. Warszawa, Druk Emila Skiwskiego, 865 s. (in Polish).

Birkerti, P. un M. (1997) *Latviešu sakāmvārdi un parunas / Savākuši un apkopjuši P. un M. Birkerti*. 2 izd. Rīgā: Zinātne, 174 lpp. (in Latvian).

Garamantas.lv *Latviešu folkloras krātuves digitālais arhīvs*. – URL <http://garamantas.lv/lv/unit/394176>, accessed on 27.11.2020. (in Latvian).

Kokare, E. (1967) *Divu tautu dzīves gudrība: Latviešu un krievu sakāmvārdu krājums = Мудрость двух народов* / Sast.: Elza Kokare: Il. R. Tilbergs. Rīga: Zinātne, 295 lpp.

Kokare, E. (1980) *Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles*. Rīga: Zinātne, 397 lpp.

Kokare, E. (1988) *Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles*. Rīga: Zinātne, 309 lpp.

Milzere, M. (1998) *Latviešu sakāmvārdi un parunas / sak. M. Milzere*. Rīga: Zvaigzne ABC, 144 lpp. (in Latvian).

Opincāne, B. (2000) *Latgaļu parunas un sokomvōrdi / sak. B. Opincāne*. – Rēzekne: Latgolas kult. centra izd., 2000. 86 lpp. (in Latgalian).

Lietuvių liaudies patarlės. Elektroninis sąvadas. – URL <http://www.patarles.lt> (accessed on 27.11.2020)

Patarles.DainuTekstai – URL <http://patarles.dainutekstai.lt>, accessed on 28.11.2020.

Sasnauskas, P. (2006) *Lietuvių patarlės ir priežodžiai. Parinko ir parengė spaudai Pranas Sasnauskas*, Kaunas, Vaiga, 238 p.

Stypuła, Ryszard. (1974) *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Словарь пословиц и поговорок русско-польский и польско-русский*, Warszawa, Wiedza Powszechna, 560 s.

Stypuła, Ryszard. (2003) *Słownik przysłów i powiedzień rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Словарь пословиц и поговорок русско-польский и польско-русский*, Warszawa, Wiedza Powszechna, 999 s.

Šuplinska, Ilga (2012) Galv. red. *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca. Лингвотерриториальный словарь Латгалии I*. Rēzekne, Rēzeknes Augstskola, 876 lpp.